

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.4

DOI 10.17223/19986645/36/13

Е.В. Перевалова

«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» М.Н. КАТКОВА В 1863–1864 гг. – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОФИЦИОЗ ИЛИ ОРГАН НЕЗАВИСИМОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ?

В статье рассматривается характер взаимоотношений М.Н. Каткова с министрами А.В. Головинным и П.А. Валуевым в 1863–1864 гг. Установлено, что представители власти пытались превратить «Московские ведомости» в правительственный официоз, предлагали Каткову льготы и привилегии в обмен на сотрудничество. Анализ переписки, цензурных материалов, дневников позволил установить, что газета сохранила независимость суждений, ее редактор руководствовался не мнением «сверху», а собственной точкой зрения.

Ключевые слова: М.Н. Катков, П.А. Валуев, А.В. Головин, «Московские ведомости», привилегии, политический официоз.

В первые годы правления императора Александра II характер взаимоотношений властных структур и органов периодической печати изменился. Если при Николае I представители власти в основном стремились взять журналистику под свой контроль, используя запретительные меры, то при Александре II стали использоваться более «тонкие» приемы воздействия. Государственные деятели «новой формации» – министр внутренних дел граф П.А. Валуев, министр народного просвещения А.В. Головин – прекрасно осознавали, какое значение и силу может иметь журналистика, какова ее роль в формировании общественного мнения, насколько полезна может быть лояльная правительству печать в борьбе с оппозиционной прессой. Стремясь поставить журналистику на службу верховной власти, они понимали, что этого результата невозможно достичь лишь запретительными мерами, и искали более изощренные методы.

Валуев, в ведение которого в январе 1863 г., согласно именному указу императора, перешло цензурное управление, полагал создать авторитетные органы печати, которые смогли бы отвоевать читательскую аудиторию у оппозиционной прессы и стать проводником правительственных взглядов. Аналогичные планы были и у Головнина. Однако как официальная печать, в том числе и начавшая издаваться в 1862 г. по инициативе министра внутренних дел газета «Северная почта» – официальный орган министерства внутренних дел, так и официозные издания в виде газеты Н.Ф. Павлова «Наше время» (1860–1863), к созданию которой Валуев приложил немало сил, не смогли заслужить доверия массового российского читателя, стать во главе общественного мнения, формировать и организовывать его [1. С. 128].

В поисках издания, которое могло бы стать транслятором мнений правительства на широкую читательскую аудиторию, Валуев и Головнин в 1863 г. почти одновременно обратили внимание на газету «Московские ведомости» и ее издателя-редактора М.Н. Каткова. «Московские ведомости» были одной из старейших российских газет и являлись собственностью Московского университета, однако с января 1863 г. они вместе с университетской типографией были переданы в долгосрочную аренду М.Н. Каткову и профессору университета П.М. Леонтьеву, которые таким образом стали фактически хозяевами издания. Совет университета был вынужден пойти на этот шаг, так как газета требовала больших затрат, а университет отнюдь не готов был увеличивать расходы на ее содержание. Передача произошла в результате открытых торгов, в ходе которых Катков и Леонтьев предложили наиболее выгодные условия аренды, обязавшись ежегодно выплачивать университету 74 тысячи рублей [2. С. 115–130].

Катков к этому времени имел уже большой редакторский опыт. В 1851–1855 гг. он был редактором «Московских ведомостей» («на жалованьи») и, несмотря на полную финансовую зависимость от университета, сумел вдвое увеличить тираж газеты, который вырос с 7 до 15 тысяч экземпляров. С 1856 г. Катков вместе с Леонтьевым издавал журнал «Русский вестник», быстро превратив его в один из самых влиятельных отечественных ежемесячников. Журнал последовательно отстаивал пути и методы либеральных преобразований нового царствования и являлся главным конкурентом оппозиционного некрасовского «Современника» в борьбе за влияние на аудиторию.

Благодаря редакторскому и публицистическому таланту Каткова «Московские ведомости» в 1863 г. в считанные месяцы превратились в одно из самых читаемых и авторитетных российских общественно-политических изданий, что почти сразу привлекло к газете и ее редактору внимание представителей высшей царской администрации, стремившихся использовать в своих целях популярность и влияние газеты на аудиторию. В данной статье сделана попытка восстановить характер взаимоотношений Каткова с министрами А.В. Головинным и П.А. Валуевым в 1863–1864 гг., выяснить, удалось ли крупным сановникам «договориться» с издателем и превратить «Московские ведомости» в правительственный официоз, «карманную газету», выступления и мнения которой инициировались в министерских кабинетах и являлись отражением политической конъюнктуры. Данная проблема тем более значима в контексте сложившегося в дореволюционной либеральной и советской историографии образа М.Н. Каткова как журналиста, который в своей деятельности руководствовался исключительно конъюнктурными соображениями и политическими выгодами, что, на наш взгляд, весьма несправедливо. Анализ переписки Каткова с Головинным, Валуевым, материалов Московского цензурного комитета, дневников и мемуаров позволил достаточно объективно восстановить ситуацию, сложившуюся в 1863–1864 гг. вокруг «Московских ведомостей» и их редактора.

А.В. Головнин почти сразу попытался заручиться поддержкой редактора влиятельной газеты в обмен на ряд льгот и преимуществ. Он конфиденциально предложил Каткову напечатать особой брошюрой статьи по польскому

вопросу, опубликованные в «Московских ведомостях» и в «Русском вестнике», а также высказал желание приобрести 1200 экземпляров сборника «для рассылки учителям в наши учебные заведения, русским за границу и секретарям наших посольств, где, как известно, весьма мало читаются наши газеты и журналы» [3. С. 45–46]. Также Каткову была предложена скидка в оплате почтовых услуг в сумме двух рублей с каждого посылаемого по почте экземпляра газеты, так что в итоге стоимость рассылки одного номера газеты в год составила бы всего 1 рубль. Кроме того, поступило предложение открыть в газете педагогический отдел, причем министерство просвещения готово было оказывать помощь в организации статей и обязывалось ежегодно закупать от двух до двух с половиной тысяч экземпляров газеты для рассылки по учебным заведениям.

В условиях жесткой конкуренции со стороны петербургских изданий и необходимости выплачивать ежегодно 74 тысячи рублей Московскому университету в счет арендной платы за право издания «Московских ведомостей» и пользования университетской типографией подобные предложения со стороны министра могли бы изрядно облегчить финансовое положение газеты. Однако издатели заняли бескомпромиссную и независимую позицию и отвечали решительным отказом. Следует отметить, что отношения Каткова с Головинным изначально складывались сложно, между ними никогда не было доверия и симпатии. Во время первой встречи Каткова с Головинным в 1862 г. они не понравились друг другу [4. С. 397]. Вполне вероятно, что Катков не доверял Головинну, считал его человеком неискренним и даже опасным. Согласно воспоминаниям современников Головин прекрасно умел скрывать свои истинные планы и обладал умением влиять на людей с целью руководить и управлять ими. «Тонкий и хитрый, он скрывает при дворе свою тонкость под маской благодушия и полнейшей простоты, – писал князь П.В. Долгоруков, – глубокий знаток человеческого сердца, никто, как он, не знает, к каким сердечным струнам следует обращаться, какие пружины надо нажать; он поразительно умеет влиять на людей, руководить ими, направлять их» [5. С. 383–384]. Сенатор Я.Г. Есипович характеризовал Головнина как «остроумного царедворца» [6. 224–225]. С другой стороны, Катков не хотел давать ни своим конкурентам и политическим оппонентам, ни, возможно, самому Головинну ни малейшего повода для упрека «Московским ведомостям» в зависимости от официальных лиц. «Мы должны строго охранять нашу личную независимость и избегать всего, что может дать пищу клеветам и перетолкованиям относительно характера нашей общественной деятельности», – писал Катков Головинну еще в период редактирования «Русского вестника» [7. С. 323–329].

Действия Валуева в отношении Каткова были не столь прямолинейны, как предложения Головнина. Имея собственный опыт в публицистике, Валуев понимал, настолько важна для творческого человека возможность высказать свое мнение, позицию, точку зрения заинтересованному собеседнику. В марте 1863 г. Валуев в очень деликатной форме сообщил Каткову о своей заинтересованности в обмене мнениями: «Просьба в том, чтобы вы всегда с той же самой откровенностью сообщали мне Ваше мнение; предложение – в том, чтобы Вы заключили со мной договор, *«pactum»*, насчет дальнейшего

обмена мыслей и мнений, – писал Валуев Каткову. – Я готов, в пределах возможного, давать вам конфиденциально ответ на каждый вами мне предлагаемый вопрос, и желаю, в мою очередь, иметь возможность обращаться к вам, конфиденциально же, для осведомления о вашем взгляде на те вопросы, по которым мне хотелось бы узнать ваше мнение». Единственным условием, на котором настаивал Валуев, была конфиденциальность переписки, чтобы даже сам факт ее оставался известен, кроме Каткова, лишь П.М. Леонтьеву [8. С. 1–2]. Более того, многие письма Валуева к Каткову не пересылались по почте, а передавались «с оказией»: через К.П. Победоносцева, А.П. Шаликова, В.П. Мещерского и др.

Можно заметить, что Валуев действовал очень осторожно и лишь предлагал Каткову конфиденциально обмениваться мнениями по интересующим их обоим вопросам, не настаивая на каких-либо обязательствах со стороны Каткова как редактора влиятельного органа печати. Со своей стороны Катков, безусловно, был заинтересован в расширении возможностей доступа к информации и ее размещения в своей газете. Из сближения с министром он, как можно предположить, в первую очередь желал извлечь пользу для своих изданий: по мере возможности избавиться от излишней придирчивости цензуры и получать верные и свежие сведения «из первых рук». К концу марта 1863 г., когда было получено письмо от Валуева, редактору «Московских ведомостей» уже не раз пришлось столкнуться с цензурными затруднениями. Яркие и смелые передовые статьи «Московских ведомостей» по польскому вопросу, в которых Катков критиковал действия администрации и в первую очередь великого князя Константина Николаевича, не могли не обратить на себя внимание цензуры. Председатель Московского цензурного комитета М.П. Щербинин и цензурировавший «Московские ведомости» цензор А.Г. Петров неоднократно пытались воспрепятствовать появлению в газете ряда материалов, ссылаясь на распоряжения из Петербурга [9. С. 177]. Не удивительно, что предложение Валуева было принято Катковым и между ним и министром завязалась оживленная переписка. Валуев, видимо, стремился вызвать Каткова на обмен мыслями, обращался к нему за советами по самым различным животрепещущим вопросам политической и общественной жизни, словно бы демонстрируя этим свое доверие к редактору и уважение к его профессиональному опыту. Круг обсуждаемых вопросов был весьма обширен и выходил далеко за рамки чисто редакционно-издательских проблем: о реорганизации центрального и местного самоуправления, о представительских учреждениях, о национальной политике и т.д.

Сочувствие проводимым реформам и умеренно-либеральный образ мыслей сближали редактора и министра, однако их взгляды на происходящие в стране изменения во многом не совпадали. Так, например, в национальном вопросе Валуев являлся сторонником предоставления окраинам империи широкой автономии, тогда как Катков, напротив, отстаивал цельность и неделимость государства как политического организма. Катков допускал сохранение местных особенностей, свободы вероисповедания, употребления местных языков в местных школах и учреждениях, но лишь при условии обязательного преподавания русского языка как государственного, при объединении выборных от всего государства в общем представительском учреждении.

Катков требовал применения решительных мер к польским помещикам, поддержавшим восстание, и освобождения крестьян Северо-Западного и частично Юго-западного края от каких-либо обязательных отношений к своим прежним владельцам, видя в этом залог доверия местного населения к верховной власти российского императора. Катков и Валуев по-разному оценивали деятельность киевского генерал-губернатора Н.Н. Анненкова, который мягко относился к польским помещикам, и виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, использовавшего радикальные методы при проведении социальных реформ в Литве и Белоруссии. Различными были отношения Каткова и Валуева к ситуации в Финском и Остзейском крае. Валуев, как политик и дипломат, принимал во внимание сильное влияние при дворе крупных остзейских помещиков – и потому не стремился принимать меры, которые препятствовали бы германизации края, в частности немецкому языку в местных школах и местных административных учреждениях. Катков же неоднократно пытался выступать против германизации прибалтийских территорий Российской империи, отстаивал распространение русского языка и языков народов, населяющих эти местности. По образному выражению самого Валуева, «та линия, которую в динамике или, пожалуй, в артиллерии, называется директрисой, – у нас общая, но полеты снарядов более или менее уклоняются, вправо или влево, хотя и направлены к одной цели» [10. С. 406–408].

В течение всего 1863 г. тон и само содержание переписки носили весьма откровенный и доверительный характер, однако разногласия между Катковым и Валуевым, носившие принципиальный характер, не могли со временем не отразиться на их отношениях.

Искренний и зачастую увлекающийся Катков в письмах делился с Валуевым своими соображениями по поводу необходимости принять меры ввиду угрозы общественной безопасности со стороны решительно настроенных польских революционеров, подробно описывал, что именно следует предпринять в связи с угрозой возможной войны и т.д. Зачастую при чтении писем Каткова Валуеву 1863 г. возникает ощущение, что Катков забывал, кто является адресатом его посланий – настолько прост и доверителен тон его писем, которые по стилю и тональности не отличаются от писем, адресованных постоянным авторам его изданий и близким друзьям: Ф.И. Буслаеву, Б.М. Маркевичу, В.П. Безобразову и др. «Я имею многое, многое сказать вам и рвусь до такой степени, что готов был бы, если бы была только какая-нибудь возможность, прилететь к вам, чтобы лично передать вам все, что накипело у меня на сердце» – трудно представить, что эти строки могли быть написаны журналистом министру внутренних дел [11. С. 91–95].

В другом письме Катков откровенно указывал Валуеву на ошибочность его суждений о московском образованном обществе, одновременно подчеркивая разницу в отношении к начинаниям правительства в московской и петербургской интеллектуальной среде. «У нас есть все, на что вы указываете: и кривотолки, и ропот, и недоверие, и оппозиционная *velleites*. Все это есть в Москве, ровно как и в остальной России, но все это происходит не вследствие отрицательного склада мысли, а из причин совершенно противоположных. В Москве пуще всего опасаются петербургского радикализма. Московский ропот отнюдь не ропот какой-нибудь мысли отвлеченного свойства, а, напро-

тив, очень положительных интересов, хотя бы этот ропот был и не справедлив. Недоверие есть, но оно вызывается не отрицанием, а, напротив, опасением за существующее. Это недоверие к отвлеченным системам и к канцеляриям, безответственно скрывающимся за правительственными лицами и склонным распоряжаться жизнью, не спросившись ее и не взглядевшись в нее» [12. С. 2–7].

Желая «приручить» Каткова, Валуев поручил московской цензуре облегчить для «Московских ведомостей» все цензурные формальности и лишь в редких случаях приостанавливать статьи, с тем, однако, чтобы издатель имел право предоставлять их на его личное усмотрение, таким образом беря на себя ответственность за публикуемые в газете Каткова статьи.

Катков не преминул воспользоваться данным ему правом и, как свидетельствуют его письма, адресованные Валуеву, не раз обращался напрямую к министру, прося разрешить публикацию в «Московских ведомостях» статей, которые в обычном порядке вряд ли бы были пропущены цензурой или подлежали бы длительной процедуре согласований. «Беру смелость препроводить к вам через посредство г. Гезена рукопись одного моего приятеля, близкого мне по взглядам Ф.М. Сухотина, назначаемую для «Современной летописи», – писал Катков Валуеву. – Статья эта писана в отличном духе и направлена преимущественно против славянофильских воззрений. Но, к сожалению, наша цензура затрудняется пропустить ее: их испугала форма проекта, в которой автор излагает свои предположения. Вот с какими препятствиями часто приходится бороться! Сделайте милость, не откажитесь пробежать эту статью и разрешить нам ее к печатанию. Цензурный комитет хотел послать ее к вам, но формальный путь потребовал бы слишком много времени» [12. С. 8–11].

Катков «запросто» жаловался министру на поступивший запрет печатать прямые корреспонденции и известия из Польши и приказание довольствоваться перепечатками из «Русского инвалида». Редактор «Московских ведомостей» видел в этом запрещении очередную попытку правительства избавиться от общественного мнения и печати как его выразительницы: «Пока дела шли плохо, позволяли говорить, обществу позволяли ими интересоваться, а когда захватили их в руки и надеются управиться с ними без участия общественного влияния – предписывается ограничиться одним “Инвалидом”. За что же такое предпочтение?» Возмущенный редактор буквально требовал от Валуева ходатайствовать перед императором об отмене этих ограничений: «Неужели невозможно доложить государю о несправедливости этой меры, об ее оскорбительности?» – и даже был готов выступить с «официальным представлением по этому предмету» [12. С. 8–11]. Хотя Катков и оговаривался, что «Московским ведомостям» «особенно оскорбительно это запрещение», однако его выступление касалось не только собственной газеты, оно исходило словно бы от имени всей российской прессы. Катков не просто настаивал на разрешении публиковать ту или иную статью, но и аргументированно доказывал, почему материалы на подобную тематику должны быть доступны читателям.

Со своей стороны Валуев в 1863 г. словно бы стремился сгладить разногласия Каткова с Московским цензурным комитетом и его председателем

М.П. Щербининым. Время от времени он разрешал к публикации даже те статьи Каткова, которые шли вразрез с его личными взглядами. Например, в декабре 1863 г. Валуев одобрил к печати статью В.П. Безобразова «О некоторых явлениях денежного обращения в России», предназначенную для напечатания в «Русском вестнике». Разрешение на публикацию было дано при условии исключения ряда мест статьи [13]. В частном письме Каткову Валуев оговаривался, что статья «совершенно идет вразрез» с его личными взглядами и убеждениями. Но, подчеркивая свою лояльность по отношению к его изданиям, Валуев примирительно замечал: «Я не раздражителен подобно вам, не абсолютен, не односторонен, не упорен подобно вам – вы можете печатать статью. Я ей не мешаю. ...Если вы недовольны Московской цензурой (едва ли вы к ней справедливы), – на петербургскую, кажется, Вам не следует сетовать» [14. С. 23–24].

Несмотря на уверения в сочувствии направлению изданий Каткова и, казалось бы, стремление облегчить для них цензурные формальности, министр решительно отказывался пропускать многие статьи. Так, в марте 1864 г. Совет по делам книгопечатания решительно отказался пропустить подготовленные к публикации в «Русском вестнике» окончание «Записок об А.П. Ермолове» М.П. Погодина за «слишком резкие и отчасти неприличные отзывы о военных подвигах нашей армии и о некоторых отношениях в сфере высших государственных установлений, а с другой стороны, не вполне уважительные отношения, касающиеся слов и действий в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича, а равно других умерших лиц, прославившихся своими воинскими доблестями и, наконец, находящихся поныне в живых особ, занимающих высокие должности в государственном направлении» [15]. Лишь в конце мая окончание «Записок» было одобрено Московским цензурным комитетом, но «с исключениями» [16].

В августе 1864 г. по распоряжению Валуева не была пропущена предназначенная для «Русского вестника» статья «Рассказ очевидца о происшествиях в Нижегородской губернии во время первой холеры». Министр согласился с выводами московской цензуры, что статья содержит «описание кровавых сцен, бывших весьма недавно» [17], и нашел неудобным напечатание этой статьи по той причине, что, «разрешив статью для “Русского вестника”, пришлось бы разрешить перепечатку отрывков и в других журналах и газетах» [18].

Валуев был категорически против статей, в которых затрагивался национальный вопрос в Финляндии [19. С. 350], запретил публикацию в «Московских ведомостях» полемических статей по вопросу участия в финском сейме дворян, уроженцев Финляндии, состоявших вместе с тем на русской государственной службе. Дебаты эти подробно освещались в газетах, выходивших в Гельсингфорсе, которые расширили поднятый вопрос до обсуждения положения о Финляндии как самостоятельном государстве, о финляндском нейтралитете и т.п., что, естественно, не могло не вызвать ответную реакцию Каткова и «Московских ведомостей», готовых решительно выступить в защиту целостности Российского государства. «Боже мой! Что за положение! В Гельсингфорсе, по-шведски, можно говорить против нас все, что угодно, а русским, в Москве, в центре России, Русского государства, запрещается го-

ворить от самого русского правительства», – возмущенно писал Катков Валуеву. – Умоляю вас, не препятствуйте этому. Я жду от вас разрешения, я должен предупредить обстоятельной статьей ожидаемые возражения *Dagbladet*’а. Цензор не пропустит ни одного слова после вашего письма. Письменный ответ от вас прийти скоро не может, а потому вы бесконечно обяжете меня, если дадите дозволение в двух словах по телеграфу, по получении этого письма. Поверьте, что мы будем писать с надлежащим тактом» [20. С. 417–419].

В ответ на эмоциональное письмо Каткова Валуев по телеграфу разрешил Щербинину пропустить «еще одну статью по финляндским делам», но в частном письме Каткову выразил неудовольствие его настойчивостью и просил «как можно менее говорить о Финляндии, в случае надобности отвечать, – меня предварять» [21. С. 419–420].

Подобные случаи, когда в изданиях Каткова печатались материалы на темы, которых не разрешалось касаться другим изданиям, не могли остаться незамеченными. Член Совета по делам книгопечатания А.В. Никитенко 25 июля 1863 г. в своем дневнике прямо назвал Каткова «лейб-гоф-обержурналистом» [22. Т. 2. С. 353]. Правда при этом высокопоставленный чиновник и цензор не мог понять и объяснить неуступчивую и независимую позицию «Московских ведомостей» и их редактора. «Зачем же так высоко поднимать голову в качестве независимого органа общественного мнения?» – недоумевал Никитенко [22. Т. 2. С. 353]. В октябре 1863 г. профессор М.П. Погодин в письме С.П. Шевыреву хвалил «Московские ведомости» за «крепкие вещи», но при этом замечал, что они пользуются «своим исключительным положением» [23. С. 142]. С.М. Сухотин, представитель высшего образованного общества в Москве, в своих дневниках в ноябре 1863 г. записал свой разговор с И.С. Аксаковым, который «рассказывал про то нелепое состояние, в котором находится теперь цензура, никаких законов, постановлений не исполняют, а Валуев – один закон. Журналы, как «День», ему ненавистный, находятся под гнетом, а Каткову дозволяют все» [24. С. 235].

Давая разрешение на публикацию одних статей, Валуев почти одновременно распоряжался сделать административное внушение редактору «Московских ведомостей» за публикацию других. Так, после появления передовой статьи в номере 161 от 24 июля 1863 г., в которой Катков требовал от правительства «энергических мер» к польским мятежникам и подкреплял это требование ссылкой на многочисленные выражения «горячего сочувствия» со стороны читателей [25], 1 августа 1863 г. Совет по делам книгопечатания принял решение о необходимости сделать строгое внушение «Московским ведомостям». «“Московские ведомости” иногда со своими советами народу и правительству заходят слишком далеко, и как они имеют привычку говорить обо всем диктаторским тоном, то это делается нестерпимым, несмотря на то, что правительство по известным причинам дает им более воли, чем другим газетам, – записывал в своих дневниках член Совета А.В. Никитенко. – Положено отнестись к Московскому цензурному комитету, чтобы он старался воздерживать ярые и беспардонные порывы “Московских ведомостей”» [22. Т. 2. С. 354–355].

В январе 1864 г. Валуев дал указание Щербинину «при первом подобном случае... сделать распоряжение о привлечении виновных в нарушении цензурных правил к ответственности на основании законов» за публикацию в номере 19 «Московских ведомостей» передовой статьи, вопреки цензурному воспрещению, содержавшей «рассуждения о свойствах, которые должен соединять в себе Генерал-Губернатор Москвы» [26]. Московским цензурным комитетом было принято решение принять распоряжение министра «к непременному исполнению».

Характерно, что почти одновременно с отказами в напечатании тех или иных материалов и требованиями административных внушений, заявляемых в официальной переписке, в своих частных письмах Каткову Валуев иначе объяснял суть поступавших за его подписью распоряжений в Московский цензурный комитет и свое отношение к его изданиям и публикуемым в них статьям. Министр писал об отсутствии каких-либо разногласий и зачастую прямо-таки извинялся за те или иные действия московских цензоров. «Я писал М.П. Щербинину о необходимости с некоторой разборчивостью пропускать в печать финансовые статьи вообще, но никогда не выражал желания «сохранять над вами строгий и бдительный надзор цензуры», – конфиденциально сообщал Валуев. – Вы очень хорошо знаете, что ваше независимое, но благородно-полезное направление одинаково признается и публикой, и правительством; но доколе есть цензура, нельзя же с нею никогда не встречаться. Без взаимной сговорчивости трудно сговариваться» [27. С. 4–6].

Валуев стремился сохранить видимость своего строгого отношения к «Московским ведомостям» и одновременно угодить Каткову, однако последний решительно не хотел принимать и понимать двусмысленного характера таких отношений. «Разве вам не известно, что нас упрекают ежедневно в несправедливости, в пристрастности к вам, в отклонении от вас всяких цензурных граней, крепко содержимых для других в указанной целости? – писал Валуев Каткову, отвечая на его пространное (на 12 страницах!) послание, в котором редактор «Московских ведомостей» упрекал министра в двусмысленности распоряжений относительно его газеты. – Неужели вы думаете, что в отношении к вам я придаю значение моим официальным сообщениям через посредствующие лица, тогда как эти сообщения опережены моими прямыми, личными, вполне доверчивыми и откровенными сообщениями? Мне кажется совершенно ясным, что я должен по временам констатировать для других и перед другими, что я исполняю свою официальную обязанность в отношении к “Московским ведомостям”» [28. С. 11–13].

Стремление министра тщательно скрывать неофициальный характер своих отношений с редактором Московской газеты и сохранить конфиденциальность своей с ним переписки, а также противоречивость его официальных распоряжений и содержания частных писем Каткову говорят о многом. В докладной записке императору «О приобретении негласного влияния правительства на одну из ныне издаваемых газет» от 19 октября 1861 г. Валуев называл два правила, которыми следует руководствоваться при создании официозов: «1. Не выражать своего покровительства гласно, чтобы не уронить доверия публики к изданию, на которое тотчас может упасть обвинение в подкупности; 2. Не давать этого покровительства таким изданиям, которые

лишены дарования и интереса для читателей» [29]. Описанный выше характер отношений Валуева к Каткову и его газете со всей очевидностью свидетельствует о стремлении министра осуществить применительно к «Московским ведомостям» так называемые «покровительственные меры». Негласный, конфиденциальный характер отношений позволял, с одной стороны, не уронить к изданию доверия публики, а с другой – получить в лице этой газеты влиятельный и авторитетный рупор для воздействия на общественное мнение.

Возможно, будь редактором «Московских ведомостей» человек с более покладистым и уступчивым характером, Валуеву и удалось бы осуществить свое намерение сделать газету послушным проводником мнений и позиции министерства внутренних дел. Всесильному министру наверняка несложно было бы найти аргументы, чтобы заинтересовать редактора нужной ему газеты в преимуществах взаимовыгодного сотрудничества.

Катков, став редактором столь влиятельного органа, как «Московские ведомости», с первых же дней издания наверняка почувствовал, каким влиянием он может обладать как редактор и публицист, и вряд ли готов был согласиться пожертвовать своей независимостью. Он отнюдь не желал поступаться своими мнениями и убеждениями в обмен на некоторые цензурные послабления, не стремился к компромиссу с властью и отнюдь не собирался ставить свое издание в зависимость от благорасположения министра. В отличие от Валуева – тонкого и расчетливо-циничного политика, прямолинейный, неуступчивый, решительный Катков не мог и не хотел подстраиваться под диктуемые ему сверху мнения и действовать в условиях «двойных стандартов» со стороны министра.

«Что значат эти всевозможные облегчения, которые рекомендуются Валуевым относительно нас? Это так неопределенно, что успокаиваться на такой формуле было бы детством с нашей стороны», – писал Катков В.П. Боткину [30]. Как свидетельствует это письмо, Катков прекрасно понимал, насколько уязвимо положение его газеты при подобном характере взаимоотношений с министром. Все надежды на облегчение положения печати редактор «Московских ведомостей» связывал отнюдь не с благорасположением высокопоставленных чиновников из правительства, а с законом, который поставил бы всех, кто имеет отношение к периодической печати, в равные условия. «В существовании законов, как они в некоторых пунктах ни стеснительны, видим мы единственную гарантию законности, – излагал свои взгляды Катков в письме к В.П. Боткину. – Мы не желаем, чтобы нам было предоставлено касаться нашего предмета, которые возбранены другим. Мы желаем оставаться под общими правилами и вместе с тем иметь право пользоваться всеми допускаемыми правилами и на практике смягчениями этих правил в других изданиях, но отнюдь не хотим пользоваться в этом отношении большими против других льготами». Это письмо очень точно характеризует позицию Каткова в его взаимоотношениях с Валуевым: ему была неприятна всякая исключительность, даже если она вела к каким-либо преимуществам его издания перед другими, он настаивал на своем праве редактора и публициста отвечать за смысл написанного. «Мы положительно хотим избавиться от второй части цензуры, то есть от цензора, – подчеркивал Катков, – желаем быть существенно обеспеченными от его произвола». Катков добивался, чтобы

даже в условиях сохранения предварительной цензуры в случаях, когда взгляды редакции не совпадают со взглядами цензора, редакторам было предоставлено «право... обходиться без разрешения со стороны цензора и самим отвечать перед правительством за смысл напечатанного» [30].

Катков был совершенно искренне убежден, что важнейшим условием свободы и независимости печати является законность и равенство всех изданий перед законом. Со своей стороны он готов был строго подчиняться общим требованиям и нести строгую ответственность за свои действия, но при условии, что его издательская деятельность будет осуществляться на «твердой почве законности», «не подвергаясь произвольным стеснениям и излишним обременениям вследствие придиричьего или отмененного практикой истолкования правил» [31]. Одновременно он заявлял о необходимости соблюдения условий «правильной конкуренции» в отношении органов печати, недопущения предоставления льгот и преимуществ одним органам печати в ущерб другим. В передовых статьях «Московских ведомостей» Катков неоднократно требовал, чтобы «правительственные власти не содействовали распространению конкурирующих с нами газет посредством обязательной подписки в разных ее видах, чтоб из почтовой платы не было никому сделано уступок, чтобы наконец не было никому выдаваемо субсидий» [31]. Подобные шаги со стороны правительства Катков рассматривал как «литературный протекционизм» и был убежден, что для блага периодической печати не следует прибегать к подобным мерам. Он справедливо утверждал, что привилегии в отношении любых частных печатных изданий ведут к неравенству в выражении мнений и, как следствие, к нарушению права общества в целом: «Газета не журнал. Никто не читает двух газет. Покровительственная система в газетном деле оказывается не просто покровительственной системой, а системой-монополией» [32].

Редактор «Московских ведомостей» готов был пойти навстречу Валуеву только в тех вопросах, в которых его собственное убеждение согласовывалось с мнением и позицией министра. Так, например, в постскрипуме одного из своих писем Валуев осторожно дал понять Каткову, что неплохо было бы в газете коснуться вопроса об убийствах мирных жителей в Польше: «Не скажете ли вы чего-нибудь о системе убийства в Польше, о молчании Европы в отношении к этим убийствам и о том, что произойдет, если мы начнем убивать» [33. С. 296]. При этом министр не сообщал Каткову, какую трактовку нужно придать данному вопросу, видимо, будучи уверен в том, что редактор газеты сможет осветить этот вопрос нужным образом. Катков не написал отвечающей вполне на заданную тему статьи, но в ряде статей коснулся этого вопроса. В данном случае, однако, вряд ли можно говорить, что статьи «Московских ведомостей» были инициированы министром и по сути явились «заказными». В этот период польская тематика была основной в газете, и события, о которых писал Валуев, не могли пройти мимо внимания редактора «Московских ведомостей», который внимательно отслеживал все, что происходило в Польше, и так или иначе обязательно бы затронул их в своих публикациях.

Вместе с тем Катков совсем не собирался идти на поводу у Валуева и руководствоваться его предписаниями. Так, в письме от 12 мая 1863 г. Катков предлагал Валуеву поддержать инициативу Московской городской думы –

создать в столице народное ополчение – городскую стражу. При этом Катков ссылаясь на энтузиазм и патриотическое воодушевление населения, которые могут и должны найти выход в конкретных действиях. «В настоящую пору весь народ исполнен самого искреннего и сильного патриотизма: это чистое золото и им следует воспользоваться. Было бы непростительным грехом дать этому великому и всеобъемлющему чувству испортиться или измельчать, – писал Катков Валуеву. – Такими минутами надобно дорожить. Энтузиазм не может долгое время оставаться без пищи, мало-помалу он погаснет; очень может быть, что, ничем не поддерживаемый, он сменится реакцией и, вместо высокого одушевления, наступит деморализация и уже после того, когда в патриотизме окажется настоящая потребность, поднять его снова будет нелегко» [34. С. 296–300]. Редактор «Московских ведомостей» подчеркивал, что организация местного ополчения подняла бы дух народа, усилила бы бодрость и распространила бы всеобщее чувство безопасности и силы.

Однако Валуев отнюдь не разделял воодушевления Каткова и в ответном письме от 17 мая писал, что «у нас нельзя учреждать ничего похожего на *garde national* или даже *garde urbaine civique*¹. Не говоря о других неудобствах и препятствиях, уже потому нельзя, что в России есть города, где по государственному элементу населения подобное учреждение невозможно, а это учреждение не может быть временным. Его организация сложная, а сложных организмов нельзя создавать *pro causa*»². В свою очередь, он предлагал не народное ополчение, а «*special constables*»³ по образцу английских специальных констеблей, которые «подчинились уже существующей организации и влились в нее всю силу, а не стали особняком» и интересовался у редактора газеты, не признает ли он «удобным поместить об них две-три статьи» в своей газете [35. С. 403–404].

Несмотря на недвусмысленно высказанную Валуевым иную точку зрения по этому вопросу, Катков отнюдь не отказался от своей идеи. В «Московских ведомостях» от 14 мая 1863 г. была помещена очень эмоциональная передовая статья в поддержку идеи городской думы. «Пробудившийся патриотизм есть чистое золото, и грешно было бы не воспользоваться им», – подчеркивалось в «Московских ведомостях» [36]. Статья, убедительно, искренне и решительно написанная, произвела очень сильное впечатление на читателей. «В 103 номере “Московских ведомостей” помещена весьма сильная статья об унижении, которое терпит Россия со стороны европейских держав, и о том, как ей необходимы действительные и неотлагательные меры усиления и организации своих защитительных сил. Приводится мысль, возбужденная в Москве, об образовании городского ополчения для охранения внутренней безопасности. Надобно всячески будить правительство и пользоваться одушевлением народа», – записал в своем дневнике А.В. Никитенко [22. Т. 2. С. 332]. В следующих передовых статьях Катков продолжал отстаивать мысль о создании местного народного ополчения [37].

Показателен также случай с бароном Френкелем – крупным финансовым дельцом, владельцем варшавского банка, клиентами которого были многие петербургские сановники. В июле 1864 г. Валуев рекомендовал Каткову

¹ Городской гражданской стражей.

² На данный случай.

³ Полицейских специального назначения.

Френкеля, который даже ездил в Москву, чтобы с ним познакомиться [38. С. 356–357]. Но Катков в целом ряде статей разоблачил невыгодную для рядовых клиентов политику банка, согласно уставу которого вклады бесконтрольно поступали в распоряжение правления банка [39–43]. Это было тем более рискованно, что Френкель приходился другом товарища министра Государственных имуществ Н.А. Генгросса, находившегося в приятельских отношениях с Валуевым.

В октябре 1864 г. Валуев, возвращаясь в Петербург из Крыма, встречался с Катковым, однако эта встреча отнюдь не способствовала достижению взаимопонимания между публицистом и министром. «Всякое цензурное затруднение принимало в его глазах вид препятствия к свершению патриотического подвига, а его самолюбие и самоуверенность не позволяли ему оценивать те соображения, которыми руководствовалось и в разных случаях должно было руководствоваться цензурное ведомство» – так позже писал Валуев об этой встрече, объясняя причины, которые привели его к разрыву с редактором московской газеты [44. Т. 1. С. 360].

В письме Каткову от 21 ноября 1864 г. Валуев должен был констатировать, что «ни соглашения, ни союза нет. Может быть одно подчинение; но ни вы, ни я не привыкли ограничиваться, в делах мысли, одним подчинением» [45. С. 33]. Как представляется, Катков понимал, чем может ему грозить охлаждение министра, однако он явно шел на обострение отношений: в конце 1864 г. в «Московских ведомостях» стали публиковаться статьи без согласования с цензурными инстанциями, в результате чего отношения Каткова с Валуевым перешли в фазу противостояния. Дальнейшие события привели к тому, что весной 1866 г. газета получила три предупреждения и была приостановлена, а Катков заявил о своем отказе от редактирования. Однако решением самого императора он был возвращен к редактированию газеты, но самое главное – на стороне Каткова было общественное мнение, тогда как позиция Валуева подвергалась всеобщему осуждению и порицанию.

Таким образом, можно с уверенностью сделать вывод, что несмотря на настойчивое стремление со стороны представителей власти превратить «Московские ведомости» в послушный рупор своих мнений, газете удалось сохранить независимость суждений, а их редактору – доказать, что журналист может в своей деятельности руководствоваться не мнением «сверху», а собственной точкой зрения. Упреки Каткову со стороны конкурентов и политических оппонентов в том, что он стремился добиться для своих изданий особых условий, в том числе цензурных привилегий, послаблений в оплате почтовых и типографских расходов, исключительных прав, обвинения в политической ангажированности, в получении особых субсидий от правительства и т.д., на наш взгляд, необоснованны и объясняются не только политическим противостоянием «Московских ведомостей» и изданий либерального и демократического лагеря, но и усиливавшейся конкуренцией на складывавшемся в 1860-е гг. рынке печатных изданий. Анализ переписки Каткова с представителями высшей царской администрации в 1863–1864 гг. свидетельствует, что его позиция была далека от того, что его противники называли «изворотливостью», «угодливостью» и «умением держать нос по ветру». Полагаем, что Катков имел полное право несколькими годами позже писать, что каждая публи-

ковавшаяся в 1863 г. в «Московских ведомостях» статья, «имевшая какое-либо значение, появлялась на свет не иначе как после продолжительного боя с цензурой. Получая указания от министра, цензура исполняла свой долг – мы исполняли свой. Каждый день становились мы ослушниками надзиравшей за нами администрации, каждый день появлялась наша газета в противность какому-либо запрещению, которое простиралось именно на то, что было в нашей мысли самого для нас дорогого и существенного» [46]. Поставив задачу «верно и добросовестно служить общественному мнению, доставляя ему все нужные сведения, возбуждая его энергию и способствуя правильности его суждений» [47], Катков, без сомнения, сумел ее выполнить, сделав из «Московских ведомостей» орган независимого общественного мнения.

Литература

1. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
2. Перевалова Е.В. М.Н. Катков и П.М. Леонтьев – арендаторы «Московских ведомостей» // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. № 3. С. 115–130.
3. Головин А.В. Письмо М.Н. Каткову. 7 июня 1863 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
4. Веселовский К.С. Эпизод из истории С.-Петербургских ведомостей // Русский Архив. 1893. Кн. 7.
5. Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М.: Север, 1934.
6. Есипович Я.Г. Записки сенатора // Русская старина. 1909. Кн. 8.
7. Катков М.Н. Письмо А.В. Головнину. Б.д. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 45.
8. Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 29 марта 1863 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
9. Петров А.Г. Письмо М.Н. Каткову. Апрель 1863 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 21.
10. Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 29 июля 1863 г. Санкт-Петербург // Русская старина. 1915. Кн. 10.
11. Катков М.Н. Письмо П.А. Валуеву. 16 сентября 1863 г. Москва // Русская старина. 1915. Кн. 10.
12. Катков М.Н. Письмо П.А. Валуеву. Б.д. // НИОР РГБ. Ф. 120 (Катков). К. 49. Ед. хр. 68. Л. 2–7.
13. Письмо Министра внутренних дел П.А. Валуева в Московский цензурный комитет. 26 декабря 1863 г. № 4762 // ЦИАМ. Прошения авторов, издательств и разных лиц, а также сообщения учреждений о разрешении или запрещении изданий сочинений и донесения цензоров. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 489.
14. Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 26 декабря 1863 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 23–24.
15. Письмо Товарища министра внутренних дел в Московский цензурный комитет. 23 марта 1864 г. № 58. // ЦИАМ. Прошения авторов и издателей, а также сообщения цензоров. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 501.
16. Журнал заседаний Московского цензурного комитета. 23 мая 1864 г. № 30 // Там же. Ед. хр. 498.
17. Журнал заседаний Московского цензурного комитета. 1 августа 1864 г. № 41 // Там же. Ед. хр. 499.
18. Валуев П.А. Письмо в Московский цензурный комитет. 29 августа 1864 г. № 147 // Там же. Ед. хр. 503.
19. Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 19 октября 1863 г. С.-Петербург // Русская старина. 1915. Кн. 11. С. 250.
20. Катков М.Н. Письмо П.А. Валуеву. 2 декабря 1863 г. Москва // Русская старина. 1915. Кн. 12. С. 417–419.
21. Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 3 декабря 1863 г. Санкт-Петербург // Русская старина. 1915. Кн. 12. С. 419–420.
22. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 2. С. 353.

23. *Погодин М.П.* Письмо С.П. Шевыреву. 13 октября 1863 г. // Русская старина. 1883. Кн. 1. С. 142.
24. *Сухотин С.М.* Из памятных тетрадей // Русский архив. 1894. Кн. 2. С. 235.
25. *Передовая статья* // Московские ведомости. 1863. 24 июля. № 161.
26. *Валуев П.А.* Письмо в Московский цензурный комитет. 29 января 1864 г. № 45. // ЦИ-АМ. Прощения авторов и издателей, а также сообщения цензоров. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 500.
27. *Валуев П.А.* Письмо М.Н. Каткову. 4 июня 1863 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 4–6.
28. *Валуев П.А.* Письмо М.Н. Каткову. 23 августа 1863 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 11–13.
29. *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 208 с.
30. *Катков М.Н.* Письмо В.П. Боткину. Б.д. // ОР Государственного музея Л.Н. Толстого. Архив В.П. Боткина. П. 6. № 60793/2.
31. *Передовая статья* // Московские ведомости. 1865. 17 янв. № 13.
32. *Передовая статья* // Московские ведомости. 1863. 30 нояб. № 261.
33. *Валуев П.А.* Письмо М.Н. Каткову. 30 марта 1863 г. С.-Петербург // Русская старина. 1915. Кн. 8. С. 296.
34. *Катков М.Н.* Письмо П.А. Валуеву. 12 мая 1863 г. Москва // Русская старина. 1915. Кн. 8. С. 296–300.
35. *Валуев П.А.* Письмо М.Н. Каткову. 17 мая 1863 г. // Русская старина. 1915. Кн. 9. С. 403–404.
36. *Передовая статья* // Московские ведомости. 1863. 14 мая. № 103.
37. *Передовая статья* // Московские ведомости. 1863. 2 июня. № 119.
38. *Валуев П.А.* Письмо М.Н. Каткову. 20 июля 1864 г. // Русская старина. 1916. Кн. 6. С. 356–357.
39. *Передовая статья* // Московские ведомости. 1865. 3 июля. № 143.
40. *Передовая статья* // Там же. 4 июля. № 144.
41. *Передовая статья* // Там же. 1865. 6 июля. № 146.
42. *Передовая статья* // Там же. 1865. 13 июля. № 152.
43. *Передовая статья* // Там же. 1865. 31 дек. № 187.
44. *Валуев П.А.* Дневник: в 2 т. / под ред. П.А. Зайончковского. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 360.
45. *Валуев П.А.* Письмо М.Н. Каткову. 21 ноября 1864 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 33.
46. *Передовая статья* // Московские ведомости. 1869. 23 янв. № 18.
47. *Объявление* об издании «Московских ведомостей» в 1863 г. // Московские ведомости. 1862. 25 окт. № 232.

MOSKOVSKIYE VEDOMOSTI OF M.N. KATKOV IN 1863–1864: A POLITICAL SEMI-OFFICIAL ORGAN OR A BODY OF INDEPENDENT PUBLIC OPINION?

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 4(36), pp. 163–179.

DOI 10.17223/19986645/36/13

Perevalova Yelena V., Moscow State University of Printing Arts (Moscow, Russian Federation).

E-mail: helenpv@yandex.ru

Keywords: M.N. Katkov, P.A. Valuyev, A.V. Golovnin, *Moskovskiyе vedomosti*, privileges, political semi-official organ.

The article studies the nature of relations of one of the most influential domestic journalists, M.N. Katkov, editor of the *Moskovskiyе vedomosti* newspaper and the *Russkiy Vestnik* journal, with Minister of National Education A.V. Golovnin and Minister of Internal Affairs P.A. Valuyev in 1863–1864. Representatives of the highest administrative circles tried to get Katkov and his newspaper's support in exchange for a number of privileges and advantages in hope over time to turn *Moskovskiyе vedomosti* into a government semi-official organ.

Competitors and political opponents of Katkov accused him of seeking to achieve special conditions, “exclusive rights” for his editions, of receiving special subsidies from the government, etc. The analysis of the documents and correspondence testifies that these reproaches are not grounded. Katkov considered legality and equality of all editions before the law to be the most important condition of freedom and independence of the press, which he repeatedly declared in his newspaper. Katkov refused from confidential proposals of A.V. Golovnin, without trusting the minister and without wishing to give a reason for reproaching the newspaper as depending on the officials. M.N. Katkov agreed on

P.A. Valuyev's proposal to confidentially exchange opinions, being interested in greater access to information and its publication in the newspaper. However, the views of the minister and the editor on the changes in the country were different in many respects, which affected their relations over time.

Valuyev sought to show his strict attitude to *Moskovskiyе vedomosti* and, at the same time, to please Katkov: in his letters to Katkov he declared sympathy to the standpoint of *Moskovskiyе vedomosti*, while in letters to the Moscow Censorship Committee he wrote about a need to make an administrative reprimand to the editor of the newspaper. Katkov did not want to accept the ambiguous character of the relations. He was ready to cooperate with Valuyev only on the matters his opinion agreed with the minister's opinion and position. At the same time, Katkov did not intend to follow the tastes of Valuyev either to be guided by his instructions or to put the edition into dependence on the minister's favor. Unlike Valuyev, an astute, prudent and cynical politician, the straightforward and uncompromising Katkov could not and did not want to follow the opinions dictated from above and work in the conditions of "double standards" from the minister. At the end of 1864 Katkov's relations with Valuyev passed into a phase of open opposition.

References

1. Zhirkov, G.V. (2001) *Istoriya tsenzury v Rossii XIX – XX vv.* [The history of censorship in Russia of the 19th – 20th centuries]. Moscow: Aspekt Press.
2. Perevalova, E.V. (2014) M.N. Katkov i P.M. Leont'ev – arendatory "Moskovskikh vedomostey" [M.N. Katkov and P.M. Leontiev as renters of *Moskovskiyе vedomosti*]. *Zhurnal'nye kommunikatsii*. 3. pp. 115–130.
3. Golovnin, A.V. (1863) *Pis'mo M.N. Katkovu. 7 iyunya 1863 g.* [Letter to M.N. Katkov. 7 June 1863]. Research Department of Manuscripts of Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 19.
4. Veselovskiy, K.S. (1893) Epizod iz istorii S.-Peterburgskikh vedomostey [An episode in the history of S.-Peterburgskiyе vedomosti]. *Russkiy Arkhiv*. Book 7.
5. Dolgorukov, P.V. (1934) *Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta 1860–1867* [Petersburg essays. Pamphlets of an expat, 1860–1867]. Moscow: Sever.
6. Esipovich, Ya.G. (1909) Zapiski senatora [Notes of a senator]. *Russkaya starina*. Book 8.
7. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'mo A.V. Golovninu* [Letter to A.V. Golovnin]. Research Department of Manuscripts of Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 45.
8. Valuev, P.A. (1863) *Pis'mo M.N. Katkovu. 29 marta 1863 g.* [Letter to M.N. Katkov. 29 March 1863]. Research Department of Manuscripts of Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 19.
9. Petrov, A.G. (1863) *Pis'mo M.N. Katkovu. April' 1863 g.* [Letter to M.N. Katkov. April 1863]. Research Department of Manuscripts of Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 21.
10. Valuev, P.A. (1915) *Pis'mo M.N. Katkovu. 29 iyulya 1863 g.* Sankt-Peterburg [Letter to M.N. Katkov. 29 July 1863. St. Petersburg]. *Russkaya starina*. Book 10.
11. Katkov, M.N. (1915) *Pis'mo P.A. Valuevu. 16 sentyabrya 1863 g.* Moskva [Letter to P.A. Valuev. 16 September 1863. Moscow]. *Russkaya starina*. Book 10.
12. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'mo P.A. Valuevu* [Letter to P.A. Valuev]. Research Department of Manuscripts of Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120 (Katkov). Box 49. Unit 68. P. 2–7.
13. Valuev, P.A. (1863) *Pis'mo Ministra vnutrennikh del P.A. Valueva v Moskovskiy tsenzurnyy komitet. 26 dekabrya 1863 g. No. 4762* [Letter from Minister of Internal Affairs P.A. Valuev to Moscow Censorship Committee. 26 December 1863 No. 4762]. Central Historical Archive of Moscow. *Prosheniya avtorov, izdatel'stv i raznykh lits, a takzhe soobshcheniya uchrezhdeniy, o razreshenii ili zapreshchenii izdaniy sochineniy i doneseniya tsenzorov* [The petitions of authors, publishers and different individuals, as well as reports of organizations, on permission or prohibition of publication of works and reports of censors]. Fund 31. List 5. Unit 489.
14. Valuev, P.A. (1863) *Pis'mo M.N. Katkovu. 26 dekabrya 1863 g.* [Letter to M.N. Katkov. 26 December 1863]. Research Department of Manuscripts of Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 19. P. 23–24.
15. Valuev, P.A. (1864) *Pis'mo Tovarishcha ministra vnutrennikh del v Moskovskiy tsenzurnyy komitet. 23 marta 1864 g. No. 58.* [Letter from Minister of Internal Affairs to Moscow Censorship Committee. 23 March 1864 No. 58]. Central Historical Archive of Moscow. *Prosheniya avtorov i izdateley, a takzhe soobshcheniya tsenzorov* [The petitions of authors and publishers, as well as reports of censors]. Fund 31. List 5. Unit 501.
16. Anon. (1864) *Zhurnal zasedaniy Moskovskogo tsenzurnogo komiteta. 23 maya 1864 g. No. 30* [Journal of the Moscow censorship committee meetings. 23 May 1864 No. 30]. Central Historical Archive of Moscow. Fund 31. List 5. Unit 498.

17. Anon. (1864) *Zhurnal zasedaniy Moskovskogo tsenzurnogo komiteta. 1 avgusta 1864 g. No. 41* [Journal of the Moscow censorship committee meetings. 01 August 1864 No. 41]. Central Historical Archive of Moscow. Fund 31. List 5. Unit 499.
18. Valuev, P.A. (1864) *Pis'mo v Moskovskiy tsenzurnyy komitet. 29 avgusta 1864 g. No. 147* [A letter to the Moscow Censorship Committee. 29 August 1864 No. 147]. Central Historical Archive of Moscow. *Prosheniya avtorov i izdateley, a takzhe soobshcheniya tsenzorov* [The petitions of authors and publishers, as well as reports of censors]. Fund 31. List 5. Unit 503.
19. Valuev, P.A. (1915) *Pis'mo M.N. Katkovu. 19 oktyabrya 1863 g. S.-Peterburg* [Letter to M.N. Katkov. 19 October 1863. St. Petersburg]. *Russkaya starina*. Book 11. p. 250.
20. Katkov, M.N. (1915) *Pis'mo P.A. Valuevu. 2 dekabrya 1863 g. Moskva* [Letter to P.A. Valuev. 2 December 1863. Moscow]. *Russkaya starina*. Book 12. pp. 417–419.
21. Valuev, P.A. (1915) *Pis'mo M.N. Katkovu. 3 dekabrya 1863 g. Sankt-Peterburg* [Letter to M.N. Katkov. 3 December 1863. St. Petersburg]. *Russkaya starina*. Book 12. pp. 419–420.
22. Nikitenko, A.V. (1956) *Dnevnik* [The Diary]. V. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
23. Pogodin, M.P. (1883) *Pis'mo S.P. Shevyrevu. 13 oktyabrya 1863 g.* [Letter to S.P. Shevyryov. 13 October 1863]. *Russkaya starina*. Book 1. p. 142.
24. Sukhotin, S.M. (1894) *Iz pamyatnykh tetradey* [From commemorative notebooks]. *Russkiy arkhiv*. Book 2. p. 235.
25. Anon. (1863) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 24 July. 161.
26. Valuev, P.A. (1864) *Pis'mo v Moskovskiy tsenzurnyy komitet. 29 yanvarya 1864 g. No. 45* [Letter to the Moscow Censorship Committee. 29 January 1864 No. 45]. Central Historical Archive of Moscow. *Prosheniya avtorov i izdateley, a takzhe soobshcheniya tsenzorov* [The petitions of authors and publishers, as well as reports of censors]. Fund 31. List 5. Unit 500.
27. Valuev, P.A. (1863) *Pis'mo M.N. Katkovu. 4 iyunya 1863 g.* [Letter to M.N. Katkov. 04 June 1863]. Research Department of Manuscripts of Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 19. P. 4–6.
28. Valuev, P.A. (1863) *Pis'mo M.N. Katkovu. 23 avgusta 1863 g.* [Letter to M.N. Katkov. 23 August 1863]. Research Department of Manuscripts of Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 19. P. 11–13.
29. Chernukha, V.G. (1989) *Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii pechati, 60-70-e gody XIX veka* [Government policy on the print in the 1860s – 1870s]. Leningrad: Nauka.
30. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'mo V.P. Botkinu* [Letter to V.P. Botkin]. Manuscript Department of the Leo Tolstoy State Museum. Archive of V.P. Botkin. F 6. No. 60793/2.
31. Anon. (1865) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 17 January. No. 13.
32. Anon. (1863) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 30 November. No. 261.
33. Valuev, P.A. (1915) *Pis'mo M.N. Katkovu. 30 marta 1863 g. S.-Peterburg* [Letter to M.N. Katkov. 30 March 1863. St. Petersburg]. *Russkaya starina*. Book 8. p. 296.
34. Katkov, M.N. (1915) *Pis'mo P.A. Valuevu. 12 maya 1863 g. Moskva* [Letter to P.A. Valuev. 12 May 1863. Moscow]. *Russkaya starina*. Book 8. pp. 296–300.
35. Valuev, P.A. (1915) *Pis'mo M.N. Katkovu. 17 maya 1863 g.* [Letter to M.N. Katkov. 17 May 1863]. *Russkaya starina*. Book 9. pp. 403–404.
36. Anon. (1863) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 14 May. No. 103.
37. Anon. (1863) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 02 June. No. 119.
38. Valuev, P.A. (1916) *Pis'mo M.N. Katkovu. 20 iyulya 1864 g.* [Letter to M.N. Katkov. 20 July 1864]. *Russkaya starina*. Book 6. pp. 356–357.
39. Anon. (1865) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 03 July. No. 143.
40. Anon. (1865) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 04 July. No. 144.
41. Anon. (1865) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 06 July. No. 146.
42. Anon. (1865) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 13 July. No. 152.
43. Anon. (1865) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 31 December. No. 187.
44. Valuev, P.A. (1961) *Dnevnik* [The Diary]. V. 1. Moscow: USSR AS.
45. Valuev, P.A. (1864) *Pis'mo M.N. Katkovu. 21 noyabrya 1864 g.* [Letter to M.N. Katkov. 21 November 1864]. Research Department of Manuscripts of Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 19. P. 33.
46. Anon. (1869) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 23 January. No. 18.
47. Anon. (1862) *Ob'yavlenie ob izdaniy "Moskovskikh vedomostey" v 1863 g.* [The announcement of the publication of Moskovskie vedomosti]. *Moskovskie vedomosti*. 25 October. No. 232.